

Александр Бременов

С О Н Е Т Ы

Вдохь коридора закигая свет
и шурясь от пронзительного света,
войди, мой друг, в свитылице сонета,
как в дорогой, блестящий туалет...

Здесь все рассчитано на десять тысяч лет,
и длится электрическое лето
над рыбьим жиром тусклого паркета,
чтоб мы не наступали на паркет.

Нае будут заворачивать в пакет,
чтоб ноги не торчали из пакета,
согласно положений этикета,

но даже через десять тысяч лет
я раздвоюсь и вспыхну, как букет
в руках у хмурого начальника пивета.

х х х

Прости, Господь, мой сломанный язык
за то, что он из языка живого
чрезмерно длинное, неправильное слово
берет и сизва л о ж и т на язык.

Прости, Господь, мой сломанный язык
за то, что, прибохав на праздник слова,
я произнес лишь половину слова,
а половину спрятал под язык.

Конечно, лучше спать в анабозе
с прикушенным и мертвым языком,
чем с вырванным слоняться языком,

и тот блажен, кто с этим не знаком,
кто не хотел, как в детстве на морозе,
лизнуть дверную ручку языком.

х х х

О Господи, води меня в кино,
корми меня малиновым вареньем.
Все наши мысли сказаны давно,
и все, что будет, будет повтореньем.

Как говорил, мешая помню,
один поэт, забытый поколеньем,
мы рушимся по правилам деленья,
так вырви мой язык, мне все равно.

Над толчеей твоих стихотворений
расставит дождик знамя ударений,
окно отроешь, а за ним темно...

Здесь каждый ген, рассчитанный как гений,
зависит от числа соударений,
но это тоже сказано давно.

х х х

Сегодня я задумчив, как буфет,
и внимаю мысли из буфета,
как длинные тяжелые конфеты
из дорогой коробки для конфет.

На раскладушке засыпает Фет,
и тень его, косящая от Фета,
сливаясь с тенью моего буфета,
дает простой отчетливый эффект.

Он завтра сядет на велосипед
и, медленно вмяя вдоль кювета,
уедет навсегда, как вдоль рассвета,

а я буду смотреть, как сквозь лафет,
сквозь мой сонет на тот велосипед
и на высокий руль велосипеда.

х х х

Громадный том листалки наугад.
Качели удивленные глотали
полоску раздвигающейся дали,
где за забором начинался сад.

Все это называлось "детский сад",
а сверху походило на лекало.
Одна большая няня отсекала
все то, что к детям лезло наугад.

А вот теперь, когда вылезит гад
и мне долдонит, прыгая на косяк,
про то, что жизнь похожа на парад,

я думаю, какой же это ад...
ведь только что вчера здесь был детсад,
стоял грибок, и гений был возможен.

х х х

В густых металлургических лесах,
где шел процесс создания хлорофилла,
сорвался лист. Уж осень наступила
в густых металлургических лесах.

Там до весны завязли в небесах
и бензозов, и мушка дрезомилла.
Их жмет по равнодействующей сила,
они застряли в сплюснутых часах.

Последний филин сломан и распилен
и, кнопкой концелярской прижат
к осенней ветке книзу головой,

висит и размышляет головой:
зачем в него с такой ужасной силой
вмонтирован бинокль полевой.

СОНЕТ ВЕЗ РИМ

Мы говорим на разных языках,
ты бесшумная, как маленькая лошадь,
а я стою в траве перед веревкой
и не могу развесить мой сонет.

Он падает, а я его ловлю.
Давай простим друг друга для начала.
Развяжем этот узел немудреный
и свяжем новый, на его манер.

Но так, чтобы друг друга не задеть,
не потревожить руку или ногу,
не перерезать глотку, наконец,

чтоб каждый, кто летает и летит,
по воздуху вот этому летая,
летел бы дальше, сколько ему влезет.

Вечерний сонет к увядшим цветам

Цветы увядшие, я так люблю смотреть
в пространство, ограниченное слева
рошанками. Они увяли - слева.
А справа - астры заспанная медь.

Но вечерам я люблю смотреть,
как в перекрестье высохшего зева
спускается на ниточке припева
цветок в цветок, как солнечная клеть.

Тогда мой взгляд, увязнувший на треть
своей длины, колеблется меж нами,
как невод провисая между нами,

уже в том месте избранный на треть,
где аккуратно вставленная смерть
глядит вокруг открытыми глазами.
